

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Трухан

**Постсоветская идентичность России
в концептуальных и политических «войнах памяти»
(Памяти Валерия Николаевича Расторгуева)
Рецензия на книгу: Национальная память
в эпоху перемен / Т.В. Беспалова, С.П. Поцелуев,
В.Н. Расторгуев. М.: 1000 бестселлеров, 2021. 208 с.**

Anatoly V. Trukhan

**Post-Soviet identity of Russia
in conceptual and political “wars of memory”
(In memory of Valery Nikolaevich Rastorguev)
Review of the book: National Memory in an Era of Change /
T.V. Bepalova, S.P. Potseluev, V.N. Rastorguev**

В статье дается развернутая рецензия коллективной монографии трех докторов наук, сосредоточивших свое внимание на проблеме функционирования культурного механизма коллективной памяти в эпоху «постправды». В предмете исследования выделяется три уровня: *фактологический*, вскрывающий процесс переписывания и фальсификации истории; *политический*, рассматривающий специфику ведения современной информационной войны против России, в которой «войны памяти» представляют одно из направлений политического противоборства; *концептуальный*, определяющий различные стратегии выхода России из кризиса постсоветской идентичности. Особое внимание в рецензии уделяется дискуссии на концептуальном уровне в обосновании концептов «государства-цивилизации» и «государства-нации» по вопросам понимания места и значения «русской идентичности» и «исторической правды» в решении проблемы выхода России из кризиса постсоветской идентичности.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, цивилизационная идентичность, гражданско-политическая идентичность, этнокультурная идентичность, русская идентичность, кризис постсоветской идентичности, примордиализм, модернизм, государство-цивилизация, государство-нация, коллективная память, историческая память, войны памяти, политика памяти.

The article gives an extensive review of the collective monograph of three doctors of sciences who focused on the problem of the functioning of the cultural mechanism of collective memory in the era of “post-truth”. The subject of the study identifies three levels: factual, revealing the process of rewriting and falsifying history; political, considering the specifics of conducting a modern information war against Russia, in which “wars of memory” represent one of the directions of political confrontation; conceptual, defining various strategies for Russia’s exit from the crisis of post-Soviet identity. The review pays particular attention to the discussion at the conceptual level in substantiating the concepts of “state-civilization” and “state-nation” on the issues of understanding the place and meaning of “Russian identity” and “historical truth” in solving the problem of Russia’s exit from the crisis of post-Soviet identity.

Keywords: nation, national identity, civilizational identity, civil-political identity, ethno-cultural identity, Russian identity, crisis of post-Soviet identity, primordialism, modernism, state-civilization, state-nation, collective memory, historical memory, memory wars, memory policy

В июле 2020 года рецензия рукописи коллективной монографии «Национальная память в эпоху перемен» была подготовлена для публикации книги в издательстве Института Наследия. Однако это издание не состоялось. Книга вышла в другом издательстве – в мае 2021 года. Планировалась ее презентация. Но эти планы были изменены по причине болезни и смерти одного из авторов. 6 июля 2021 года умер Валерий Николаевич Расторгуев. В связи с этим событием нами было принято решение доработать и опубликовать свою рецензию на книгу, которая оказалась последней в жизни В.Н. Расторгуева, и тем самым почтить его память.

1. Кризис постсоветской идентичности. Современность позиционирует себя как эпоха перемен. Эта эпоха заявляет о себе непредсказуемостью своего будущего и, что еще тревожнее, предсказуемостью катастрофического будущего. Человечество вступило в век «стратегической нестабильности» [5]. Эта оценка современности доминирует в европейской и отечественной общественно-политической мысли. Ее же придерживаются и авторы рецензируемой монографии, указывая на это в названии книги и выстраивая ее содержание как развернутый ответ на вызов времени.

На наших глазах кризис идентичности приобретает статус глобальной социокультурной проблемы. Он проявляется в распаде традиционных и современных социальных общностей в связи с утратой главного идентификационного признака, с помощью которого отдельный индивид отождествляет себя с обществом в целом. Особую остроту этот вопрос приобретает в постсоветской России, где советская идентичность рассыпалась на мелкие осколки гражданской, этнической, национальной, региональной, профессиональной, социальной, социокультурной, религиозной и пр., из которых на политическом уровне предпринимаются безуспешные попытки собрать единую российскую нацию.

Вокруг этого процесса российского нациестроительства в рецензируемой монографии разворачивается на новом уровне традиционная для русской общественной мысли дискуссия между «западниками и славянофилами» о судьбе и предназначении России, которую условно можно назвать противостоянием между сторонниками «государства-цивилизации» и «государства-нации».

2. Предмет исследования. В коллективной монографии можно выделить три предметных уровня исследования. *Первый уровень* – фактологический, вскрывающий процесс переписывания и фальсификации истории, прежде всего, связанный с пониманием роли советской России во Второй мировой войне. Снос памятников и осквернение воинских захоронений на территориях постсоциалистических и постсоветских стран, агрессивная актуализация в общественном сознании антисоветской и русофобской мифологии – лишь малая доля той фактуры, которая требует внятного объяснения. Этот процесс, парадоксальный по своей природе и циничный по своему содержанию, представляет собой низший уровень теоретического осмысления.

Второй уровень – политический, рассматривающий специфику ведения современной информационной войны против России, в которой «войны памяти» представляют одно из направлений политического противоборства. В этой части интерес представляет рассмотрение инструментария и механизма ведения «войн памяти» вообще и конкретных операций в частности, предметное содержание государственной «политики памяти» и реализация этой политики. Предельно актуально звучит постановка вопроса о причинах поражения России на всех уровнях информационного противодействия и в «войнах памяти» прежде всего.

Третий уровень – концептуальный, определяющий различные стратегии выхода России из кризиса постсоветской идентичности. Несмотря на то, что в названии книги в качестве теоретического предмета заявлена проблема «национальной памяти», решение этой проблемы прямо связывается с концепцией национальной идентичности, потому что «память является основой идентичности» [11, с. 6]. Таким образом, специфика авторского подхода к решению проблемы идентичности состоит в том, чтобы рассмотреть ее сквозь призму работы социокультурных механизмов коллективной памяти в постсоветскую эпоху перемен.

Главная цель исследования – разработка концептуального обоснования мемориальной политики, адекватной идентичности России. Решение этой цели достигается через постановку следующих задач: *во-первых*, представить теоретическое решение проблемы идентичности России; *во-вторых*, осуществить разработку концепта исторической памяти, соответствующего решению проблемы идентичности России; *в-третьих*, сформулировать базовые принципы организованной «политики памяти», направленные на защиту государственной безопасности.

Работа авторов в одном проблемном поле, и их сосредоточенность на решении поставленных задач обеспечивает целостность представленного исследования.

3. Авторство и структура монографии. Исследование выполнено и подготовлено к изданию коллективом авторов: доктором философских наук, профессором В.Н. Расторгуевым (часть 1); доктором философских наук, кандидатом политических наук, доцентом Т.В. Беспаловой (введение, часть 2, заключение); доктором политических наук, профессором С.П. Поцелуевым (части 3 и 4).

Логика представления результатов исследования выстроена следующим образом: в первой части рассматривается специфика организации и функционирования коллективной памяти в эпоху «постправды»; во второй и третьей частях формулируются две альтернативные концепции идентичности России (концепт «государства-цивилизации» Т.В. Беспаловой и концепт «государства-нации» С.П. Поцелуева) в соответствии с которыми выстраиваются разные модели коллективной памяти и разные стратегии выхода России из кризиса современности; в 4-й части рассматриваются случаи реализации стратегий памяти государства-нации на конкретных примерах.

Концентрируя свое внимание на проблеме «исторической памяти», авторы подходят к ее решению с разных сторон, обусловленных собственными научными интересами, разрабатывая свой понятийный аппарат. Тем самым, мы имеем дело с наложенными друг на друга тремя теоретическими срезами одной проблемы, что позволяет обнаружить новые смыслы в их постановке и решении, которые отчасти формулируются авторами, отчасти – требуют от читателя самостоятельного вывода. Соединение в одном теоретическом пространстве разных точек зрения по чрезвычайно острой социально-политической проблематике демонстрирует нам пример научно корректного и уважительного ведения дискуссии, столь же необходимого для выработки общезначимого результата, как и научная состоятельность диспутантов.

4. Проблемное поле исследования. Постановка острых вопросов и выявление практических проблем, которые не могут быть решены без концептуального осмысления – сильная сторона монографии. Чтобы представить ее в нашей рецензии, мы решили еще более обострить ситуацию и поставить перед авторами вопросы, которые они прямо не рассматривали, но без решения которых немислимо преодоление того системного кризиса сознания, в котором оказалось постсоветское общество. Это два вопроса: как решается «русский вопрос» в определении идентичности России; и как мыслится в их моделях «исторической памяти» восстановление «исторической правды» в эпоху «постправды».

После разрушения советской идентичности и политического самоопределения России в границах РСФСР процесс идентификации России не пошел по «русскому» пути. Прежде всего, по причине отторжения этого пути самим русским самосознанием. Неприемлема оказалась для русского человека и национально-этническая идентичность «великорусского шовинизма», и гражданско-политическая идентичность «россиянина», которую предлагают ему европейские «нацистроители». Само прилагательное «русский» для русского человека стало проблемой, – как остроумно замечает Федор Гиренок, который приходит в недоумение «по поводу неодолимого желания русских отказаться от слова «русский» и заменить его каким-нибудь другим словом» [2, с. 7].

«Нам, – пишет Ф. Гиренок, – почему-то хочется создать языковую заглушку для нормального чувства идентификации с целым. Сначала этой заглушкой было слово «советский». Затем, со ссылкой на Карамзина, его заменили «россиянином» [Там же]. Далее русский философ выдает текст, который можно назвать «символом веры» русского самосознания.

«Я – не россиянин. И не гражданин мира. Но в той мере, в какой я должна быть русским, возможна Россия. И возможно сожительство в ней разных народов. То есть возможен русский космос. Ели же я стану россиянином, то Россия пропадет. И россияне исчезнут» [Там же].

Какой ответ на вопрос о значении и месте русской идентичности в преодолении кризиса постсоветской идентичности дается в монографии?

5. «Русский фактор» в концепции «государства-цивилизации»¹. Ответ Т.В. Беспаловой может быть раскрыт с помощью нескольких принципиальных положений.

Во-первых, автор вводит трехчленную иерархическую структуру идентичности России: *этнокультурную, национальную (гражданско-политическую) и цивилизационную* [11, с. 7], в которой субординационная система выстраивается «от приоритетной цивилизационной к гражданской (политической) и этнокультурной» [Там же, с. 8].

Цивилизационный элемент определяется понятием из п. 11.1 «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» (далее – «Стратегия») [10], в котором утверждается, что «современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка...» [11, с. 8]. Данная структура представляет собой архетипическую конструкцию культурного воспроизводства и социально-политического развития той уникальной общности, которая именуется «Россией». Наличие универсальной системы ценностей («православного мировоззрения»), транслируемой русской культурой средствами русского языка, составляет уникальную особенность России как «государства-цивилизации».

¹Термин «русский фактор» появляется во введении рецензируемой монографии [11, с. 7].

Во-вторых, автор утверждает принцип недопустимости элиминирования этнической идентичности гражданской идентичностью или подмены ее цивилизационной идентичностью, но при этом делает акцент на сохранении русской этнокультурной идентичности – «русского народа» [11, с. 7]. Русский народ как этнос выступает основным человеческим ресурсом, на плечах которого держится здание многонационального государства.

В-третьих, присутствие «русского фактора» на среднем уровне идентичности (гражданско-политическом) задается принципом: «русский народ является государствообразующим по факту существования России» со ссылкой на публикации президента России В.В. Путина [Там же, с. 8]. Многонациональное государство исторически было создано русским народом для реализации своего права жить на своей земле в соответствии с собственной системой ценностей и защищать это же право народов, входящих в состав России со своими территориями.

Таким образом, можно сказать, что в концепции Т.В. Беспаловой «русский фактор» присутствует на всех уровнях идентичности России, образуя стержневую ось, на которую нанизываются идентичности других народов и культур, составляя фундаментальное основание многонационального единства народов России, определяемого в «Стратегии» как «российская нация». Системообразующим началом этого единства выступает русская культура, воспроизводящая в межпоколенной трансляции универсальную систему ценностей («православное мировоззрение»). Именно это аксиологическое содержание русской культуры выступает объединяющим и структурирующим началом идентичности России. Через воспроизводство этой системы ценностей на цивилизационном уровне, подчинение ей индивидуальной воли на гражданско-политическом уровне и ресурсное обеспечение реализации этой воли на этническом уровне осуществляется в истории самоидентификация России.

6. «Русская культура» в концепции «государства-нации». Свой ответ С.П. Поцелуев формулирует в рамках хорошо разработанной модернистской парадигмы нации и национализма для гетерогенных обществ. Энтони Смит дает следующее определение «государства-нации» – это «территориальные государства, пытавшиеся создать единые нации из этнически разнородного населения» [7, с. 53]. «Идея государства-нации, – пишет Э. Паин, – подразумевающая сочетание демократического типа государственного устройства и гражданского типа нации, – такой же знаковый признак либерализма и модернизма, как рынок, демократия и свобода слова» [4, с. 10]. Этот концепт в постсоветской России изначально разрабатывается и позиционируется как альтернатива имперскому типу государства, который характерен традиционалистскому типу политической идентичности России. Идея государства-нации есть проект, цель которого – обеспечить в постсоветский период переход России «от имперского типа государства к государству-нации».

Позицию С.П. Поцелуева можно изложить в следующих положениях.

Во-первых, автор сразу дает ответ на вопрос: зачем России «российская нация»? Казалось бы, ответ ясен – его уже дал выше Эмиль Паин. Однако: «Необходимость российской нации диктуется, прежде всего, спецификой нашей эпохи, в которой национальная форма политической общности остается наиболее эффективным способом легитимации государственной власти, в первую очередь идеологической легитимации» [11, с. 103]. При этом острота поставленной задачи возводится на высший уровень политических задач: «В этом смысле вопрос о том, быть или не быть России нацией, равен вопросу о жизни и смерти российской государственности» [Там же].

Во-вторых, автор использует двучленную структуру идентичностей концепта государства-нации. Она включает в себя архаический элемент – *этнокультурную идентичность* и современный – *культурно-политическую идентичность*. Общий смысл модернизма – осуществление социально-политических преобразований в логике прогресса, т.е. наращивания приоритетности культурно-политической идентичности и ослабление этнокультурной. Это – процесс исторического движения от культуры «низкой» к культуре «высокой»², которое осуществляется за счет переноса фокуса культуры с уровня этнокультурной идентичности в область гражданско-политической идентичности и переподчинение культуры политическим институтам национального государства. «Своеобразие эпохи наций состоит в том, что в ней впервые целая культура задействуется как стратегическое, т.е. политическое средство» [Там же, с. 103–104]. В Новое время культурная идентичность выступает единственным источником политической легитимности власти. Поэтому главная задача модернистской концепции состоит в том, чтобы использовать культуру в качестве политического средства. Применительно к российским реалиям это означает, что таким средством должна стать русская культура.

В-третьих, автор уделяет особое внимание целенаправленному политическому усилию в решении задачи строительства российской нации, без которого ни интегрирующая роль русской культуры, ни совместное проживание на одной территории не имеют решающего значения. Интегрирующая роль русской культуры и языка сводится до уровня «коммуникативной платформы для диалога и взаимной «переводимости» культур и языков всех народов, населяющих Россию» [Там же, с. 104].

Таким образом, в концепции Поцелуева «русский фактор» устраняется с этнического уровня идентичности и не выносится на цивилизационный

²«Переход от агрописьменного общества к индустриальному ознаменовался заменой «низкой» культуры «высокой». Геллнер определяет нацию как общество, обладающее высокой культурой, т.е. специально культивируемой, стандартизированной, основанной на образовании книжной культурой» [7, с. 70].

уровень, он остается только на гражданско-политическом уровне в качестве русской культуры, которая понимается формально как межнациональное средство коммуникации. В процессе модернизации русская культура должна стать средством достижения политических целей.

7. «Русский фактор» в концепциях «государства-цивилизации» и «государства-нации». Результаты сравнительного анализа двух концепций представлены в Таблице 1.

Таблица 1. «Русский фактор» в структуре идентичности России как «государства-цивилизации» и «государства-нации»

Уровень идентичности	«Русский фактор» в «государстве-цивилизации»	«Русский фактор» в «государстве-нации»
1. Цивилизационная идентичность	русская культура как «цивилизационный код», русский народ как носитель цивилизационного кода	
2. Гражданско-политическая идентичность	русский народ как государствообразующий фактор	русская культура как средство общенациональной коммуникации и легитимации власти политической элиты
3. Этнокультурная идентичность	русский народ как этнос	территориально-политическая полиэтническая общность народов России

Используя таблицу, можно сделать некоторые выводы:

1. Ключевое расхождение спорящих сторон заключается в понимании структуры идентичности России, значения и места русской культуры в воспроизводстве этой идентичности.
2. Если у Беспаловой структура идентичности России трехчленна и имеет иерархический каркас, субординирующий уровни идентичности, который выступает архетипом воспроизводства идентичности России в истории, то у Поцелуева структура идентичности двучленна и не имеет архетипического каркаса, ее иерархичность задается процессом культурного перехода от «низкого» к «высокому», т.е. определяется в прогрессистской логике исторического движения.
3. В концепции Беспаловой аксиологическое содержание русской культуры («традиционные духовно-нравственные ценности») абсолютизируется, выступает тем системообразующим началом (цивилизационным кодом),

которое задает структуру и смысловую иерархию всех уровней идентичности России, определяя ее структурно-содержательную константность при всех исторических вариациях социально-политических форм; вместо этого у Поцелуева абсолютизируется сам процесс прогрессивного перехода, ценностные же представления о «низкой» (архаичной) и «высокой» (прогрессивной) культурах обуславливаются социальными характеристиками (например, переходом от аграрного общества к индустриальному).

4. Логическим следствием предыдущего вывода является то, что в концепции «государства-цивилизации» акцент делается на универсальной культурной идентичности цивилизационного уровня, в концепции же «государства-нации» этот акцент делается на политической составляющей.
5. По совокупности признаков данные концепции можно классифицировать в модернистской парадигме как культурный примордиализм – концепт Беспаловой и классический модернизм – концепт Поцелуева.

8. «Историческая правда» как духовно-нравственное прочтение событий прошлого. Чтобы увидеть границу, разделяющую позиции соавторов в описании механизма «коллективной памяти», необходимо провести некоторое различие понятий, которое вводит в своей части Т.В. Беспалова. «Проблему исторической памяти (как и проблему национальной идентичности) представляется возможным осмыслить в рамках трех подходов – примордиализма, конструктивизма, инструментализма: память как реальность, конструкт и технология конструирования национальной идентичности» [11, с. 56].

Эксплицируя содержание понятия «историческая память» в рамках примордиалистской парадигмы, автор дает следующую характеристику: «Историческая память как объективная реальность связана с особым освоением прошлого, признанием объективности исторического факта как такового (ориентацией на эмпирический материал, его «живое» припоминание). Память обладает онтологическим статусом, независимо от культурных эпох и смены парадигм памяти» [Там же]. Концепция «исторической памяти» Т.В. Беспаловой может быть представлена в следующих положениях.

Во-первых, несомненно, что автор выстраивает свою концепцию «национальной памяти» в этой парадигме «онтологического примордиализма»³.

Во-вторых, в соответствии с тремя иерархически организованными структурными уровнями идентичности России может быть рассмотрена структура коллективной памяти. Эту структуры мы отобразили в сравнительной таблице тезаурусов описания коллективной памяти «государства-цивилизации» и «государства-нации» (Табл. 2).

³По сути, автор, вводит разновидность «культурного примордиализма» в теорию наций, соответствующую воззрениям традиции русской религиозной философии. Классическое понимание нации в этой традиции формулируется в афоризме В.С. Соловьева: «Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8, с. 220].

В-третьих, важнейший тезис, который характеризует взаимодействие в коллективной памяти трех уровней идентичности, автор формулирует следующим образом: «Память русской души, или “живая память” народа, оказывается гораздо ближе к национальной идее (в соловьевском понимании – “что Бог думает о нации в вечности”. – А.Т.), чем либеральные, классовые и любые другие идеологические принципы. Такая память вмещает в себя и свободу, ограниченную совестью, и “правду на земле”...» [11, с. 58]. Этот тезис устанавливает приоритетный характер взаимосвязи и взаимодействия этнокультурной и цивилизационной идентичностей в коллективной памяти, в то время как гражданско-политической идентичности отводит второстепенное место.

Из этого тезиса можно реконструировать дефиницию понятия «историческая правда» в коллективном сознании «государства-цивилизации». Она есть согласование образа прошлого между двумя уровнями коллективной памяти: этнокультурной и цивилизационной. Принимая во внимание аксиологическую центрированность русской культуры, можно сказать, что «историческая правда» есть духовно-нравственное прочтение прошлого, сохраняющегося на этнокультурном уровне коллективной памяти. Через соответствие событий прошлого «исторической правде» совершается отбор и структурирование этих событий в коллективной памяти народа.

9. «Историческая правда» как творческое раскрытие символов прошлого в политических целях. В разработке своей модели «исторической памяти» С.П. Поцелуев развивает альтернативное примордиализму конструктивистское отношение к национальному прошлому, согласно которому прошлое «(ре-)конструируется в целях сознательного строительства национальной общности как общности не просто культурной, но культурно-политической» [Там же, с. 105].

В решении задачи сравнительного анализа двух альтернативных концептов укажем лишь на главные расхождения в моделях «национальной памяти» С.П. Поцелуева и Т.В. Беспаловой. Надо отметить, что в этом вопросе расхождений между соавторами существенно меньше, чем сходства. Более того, при определенной коррекции весь разработанный функционал концепта «исторической памяти» Поцелуева может быть адаптирован для описания работы коллективной памяти «государства-цивилизации».

Во-первых, автор показывает несовместимость своей позиции с «инструменталистским» отношением к прошлому, в котором «стремятся рассматривать этничность и национальность как площадки и ресурсы для коллективной мобилизации преследующими наибольшую выгоду... элитами» [3, с. 11, Цит. по: 11, с. 105]

Важнейшим ограничением на пути реализации произвола политических элит в конструировании прошлого, по мнению С.П. Поцелуева, является символический характер культурной памяти: «прошлое нации, ее главный

нарратив, невозможно конструировать без учета объективной логики тех исторических (уходящих корнями в седую древность) символов, которые включаются национальным воображением в дискурс нации» [11, с. 105]. Символы несут в себе память об «определенном» прошлом, поэтому культурные символы сопротивляются произволу элит. Связь с этническим уровнем коллективной памяти сохраняется через использование выработанных в ней символов. Вместе с тем символический характер имеет и политическая идентификация. «Политическая идентификация носит символический характер, а силу символа, тем более квазирелигиозного национального символа, нельзя объяснить лишь его фиктивностью» [Там же, с. 106]. Использование произвольной символики имеет предел – отсутствие реальной объединяющей силы граждан в нацию. Поэтому процесс нациестроительства предполагает творческое раскрытие этих символов в создании национального нарратива.

Определение понятия «историческая правда» может быть дано как творческое раскрытие символов этнической памяти в символах национального нарратива, обладающего силой массовой мобилизации граждан на деятельность в политических целях нации.

Во-вторых, автор раскрывает культурный механизм забывания-вспоминания как творческий процесс, характеризующийся *нарративной* системностью и связанностью, что обеспечивает воспоминание-реконструкцию забытого в определенных когнитивных рамках (фреймах) посредством культурно сформированных, общественно обязательных «образов воспоминания», называемых символическими фигурами воспоминания (к ним относятся, прежде всего, мифы, затем – художественные образы театра, живописи, литературы, кинематографа).

Следует заметить, что если сделать акцент не на политической составляющей в интерпретации и переинтерпретации прошлого, а на творческом характере воспроизводства «исторической правды», то данный механизм забывания-вспоминания может получить «онтологическую» интерпретацию и быть использован в примордиалистской концепции возрождения России как «государства-цивилизации».

В-третьих, автор уточняет понятие «историческая память», проводит смысловое разграничение множества значений термина «коллективная память» и в итоге приходит к следующему выводу: «По своему социальному носителю историческая память может выступать в двух видах: 1) как индивидуальная память отдельного человека или 2) как память коллектива (массы) людей, объединенных общим опытом. По своей дискурсивной форме историческая память различается как: 1) живая память; 2) как объективированная (культурная) память и 3) как организованная (сконструированная) память» [11, с. 129].

10. «Историческая правда» в тезаурусах коллективной памяти «государства-цивилизации» и «государства-нации». Выделенные С.П. Поцелуевым три дискурсивные формы могут быть соотнесены с тремя структурными уровнями идентичности России концепции Т.В. Беспаловой, в рамках которых можно провести сопоставление тезаурусов описания коллективной памяти двух конкурирующих концепций (Табл. 2).

Таблица 2. Коллективная память в тезаурусах «государства-цивилизации и «государства-нации»

Уровень коллективной памяти	Тезаурус «государства-цивилизации»	Тезаурус «государства-нации»
1. Цивилизационная память	– «национальная память», – «память культурно-исторического кода»	
2. Гражданско-политическая память	– «организованная память», – «искусственная память», – «патриотическая память», – «память как долг», – «официальная история», – «организованная политика памяти»	1) организованная (сконструированная) память: – «организованная память», – «политики памяти»; 2) объективированная (культурная) память: – «объективная память», – «искусственная память», – «культурная память»
3. Этнокультурная память	– «живая память», – «живая народная память», – «глубинная память народа», – «память русской души», – «молитвенная память»	3) «живая память»

Под «живой памятью» Поцелуев понимает память отдельных поколений, «как собранную из скоординированной памяти отдельных индивидов, связанных между собой совместным проживанием и коммуникацией в реальном пространстве и времени» [11, с. 129]. Как видим, содержание этого понятия полностью освобождается от какой-либо этнокультурной идентичности. Далее, понятие «культурная память» (тождественное концептам «объективная память», «искусственная память», «культурная память») употребляется в том же смысле, что «национальная память» (т.е. память культурно-исторического кода) Беспаловой и выступает признаком цивилизационной идентичности

России. Однако у Поцелуева она не выделяется в отдельный уровень цивилизационной памяти, а встроена в уровень гражданско-политической памяти. Наконец, третья дискурсивная форма, в которой «культурная память специально организуется для политических целей... приобретает вид «организованной» памяти или «политики памяти» [11, с. 129]. В этом пункте мы также находим полное тождество с понятийным рядом Беспаловой, характеризующим гражданско-национальный уровень идентичности.

Таким образом, можно выделить три существенных отличия в структуре концепта коллективной памяти Поцелуева по сравнению с концепцией Беспаловой: 1) «этническая память» утрачивает свою самостоятельную дискурсивную форму и входит в состав «культурной памяти» своими символами, составляя основу культурного кода национального нарратива; 2) гражданско-политический уровень идентичности нации формируется «политикой памяти» – специально организованной в политических целях «культурной памятью»; 3) «культурная память» в своих универсальных, системообразующих началах национального единства не выделяется в особый уровень воспроизводства идентичности – цивилизационный.

В связи с третьим пунктом, хотелось бы сразу ответить на вопрос: каковы основания для выделения в концептуальных рамках «государства-цивилизации» культурной памяти в особый цивилизационный уровень воспроизводства идентичности. Этот уровень необходим для того, чтобы применительно к российским реалиям зафиксировать то положение, что феномен полиэтнического единства России возник и воспроизводит себя в истории благодаря сформированному в рамках русского этноса универсального культурного кода. Этот культурный код имеет надэтническое и надполитическое значение для концептуального определения сущности феномена России. Он не является продуктом мультикультурного синтеза входящих в состав России народов, но воспринят русским народом (культурным реципиентом) от Византии (культуры донора) и положен в основание культурного и политического единства народов в составе России. Существующая связь между русским народом как этнокультурным единством и цивилизационным кодом русской культуры является существенным и неизменяемым условием существования России.

11. Что же происходит с осознанием русской идентичности в постсоветской общественной мысли?

Возвращаясь к «символу веры» русского самосознания Федора Гиренка, можно дать следующий ответ. Дословность русской социальной мысли оформляется в цивилизационный дискурс, но никак не может обрести своей парадигмы. Поэтому она продолжает заимствовать фигуры речи и мысли из европейского способа мысли, при ясном понимании того, что подобное оформление себя в категориях нации и национализма для русского самосознания немислимо.

Русская мысль начинает осмысливать себя как «русскую» – не «славянофильскую» или «почвенническую», а «русскую». Важно подчеркнуть – происходит осознание того, что проблема определения русской идентичности в идентификационной системе России – это проблема самих русских, которая, прежде всего, должна быть решена русскими для себя, а не для того, чтобы кому-то что-то доказать.

Мы полагаем, что концептуальное оформление общественного единства на «русском начале» обладает потенциалом преодоления застарелого раскола в русском сознании на западников и славянофилов. Имя единой для всех парадигмы мысли – «русская цивилизация» (именно – «русская», а не «российская»). Процесс преодоления этого раскола идет на концептуальном уровне, доказательством чему может послужить сближение позиций между соавторами рецензируемой книги по вопросу сохранения «исторической правды» в коллективной памяти русского народа.

Если в концепции «исторической памяти» С.П. Поцелуева (Табл. 2) осуществить онтологическую интерпретацию природы символа (например, с помощью теории символа А.Ф. Лосева), перенести «культурную память» с уровня гражданско-политической идентичности на уровень цивилизационный и наполнить «живую память» этническим содержанием, то мы получим разработанный культурологический функционал для описания работы коллективной памяти в цивилизационной парадигме «государства-цивилизации», которого нет у Т.В. Беспаловой.

12. Теоретическое «завещание» В.Н. Расторгуева. Свой ответ на поставленные вопросы дает еще один соавтор монографии, позиция которого задает рамки проблемного поля состоявшейся дискуссии и вместе с тем содержит ключ к ее разрешению. Сейчас, после смерти Валерия Николаевича, внимательнее всматриваешься в его текст, начинаешь искать в нем некоторые признаки теоретического «завещания» и «пророчества» – и находишь. Отметим главное.

Во-первых, В.Н. Расторгуев добавляет к трехчленной структуре Т.В. Беспаловой и двухчленной структуре С.П. Поцелуева еще один элемент. Он показывает, что стремление сторонников цивилизационного подхода абсолютизировать аксиологическое содержание русской культуры на цивилизационном уровне идентичности есть не что иное, как попытка введения в научный дискурс метафизического и метаисторического измерения. К «прошлому» (этносу) и «будущему» (нации) он добавляет «вечность» («Перст Божий»).

Это измерение модернисты поместили в рамки перенниалистских и примордиалистских концепций и отправили на свалку «паранаучных высказываний» вместе с самими этими концепциями. Однако, «эпоха перемен», в которой мы оказались, вскрыла концептуальную ограниченность модернистской парадигмы, о чем свидетельствуют сами адепты модернист-

ской концепции нации и национализма⁴. Надежды осуществить «ребрендинг» модернизма остаются надеждами. В общественном сознании возникает социальный запрос на возвращение в научный дискурс объяснительных конструкций «примордиализма», «перенниализма», «эссенциализма», «русской историософии»⁵. Свою теоретическую конструкцию предлагает и В.Н. Расторгуев.

Во-вторых, главное в концепции Расторгуева заключается в том, что Бог вмешивается в историю «роковыми событиями». Признаком же Божественного присутствия в этих событиях является исторический синхронизм, а способом прогнозирования наступления роковых событий – синхронизм памятных дат роковых событий прошлого («парад роковых событий»).

«Роковые события – это не просто события в череде других, а поворотные пункты истории. Они явным, хотя и непостижимым образом изменяют судьбы государств, цивилизационных миров и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений» [11, с. 12]. Само определение роковых событий примечательно тем, что в нем задается типология идентичностей и инструмент воспроизводства идентичности конкретного типа.

Таких идентичностей четыре: 1) государство – как политико-территориальная идентичность; 2) цивилизационный мир – как историко-культурная идентичность; 3) гражданская нация – как культурно-политическая идентичность; 4) этническое самосознание – как кровнородственная идентичность. Инструментом воспроизводства идентичности выступает коллективная память.

Роковые события способны внести необратимые изменения в коллективную память и изменить типологическую структуру идентичности социума. Эти изменения не просто обновляют идентичность, они ее переформируют. «Если войны и кончаются миром, то в любом случае это будет уже другой мир, с новым прошлым, ибо войны, а не летописцы и не ученые-историки каждый раз заново переписывают историю своих народов и государств» [Там же, с. 14]. Эти последние «лишь тогда “творят историю”, когда их слово “узнается” коллективным сознанием, уже измененным войной» [Там же]. Конструирование прошлого имеет свои границы. Они определя-

⁴«В этих различных концепциях модернизм достиг пределов своей объяснительной силы и эвристической полезности, практически полностью исчерпав свои возможности, открыв тем самым путь для критических выступлений, содержащих в себе потенциал для его ниспровержения» [7, с. 60].

⁵«Доктрина и практика национального строительства в России застряли в трясине еще советского правоучения о “национально-государственном строительстве” и “национальном самоопределении” или же утопают в историософских дебатах, замешанных на паранаучных высказываниях о неких “цивилизационных кодах”, “традиционных духовно-нравственных ценностях” и представляющих собой больше осадную, эмоциональную терапию от угроз “враждебного мира”, а не реальную экспертизу и политическую практику» [9, с. 2–15].

ются роковыми событиями и коллективной памятью, которая «узнает» или «не узнает» написанную «политикой памяти» историю как «свою». Если вдруг период «неузнавания» затягивается, то следует ждать нового рокового события, которое откорректирует и представление о прошлом, и идентичность коллективного сознания.

В-третьих, автор открывает нам понимание современности как времени «постправды»⁶, в котором структурные и смысловые связи между предшествующим роковым событием и сформированной им коллективной идентичностью не просто искажаются «политиками памяти» до «неузнаваемости», а заменяются на альтернативные, в которых совершается инверсия смыслов. Понятно, что в этих условиях мы стоим накануне нового рокового события (или уже вошли в него), призванного откорректировать этот разрыв и восстановить «историческую правду» и в общественном сознании, и в действительности.

Автор строит свой прогноз того, что временем начала этого рокового события является второе десятилетие нашего века. Методологическим основанием этого прогноза служит вводимое им понятие «парад роковых дат» – «наложение во времени» информационных «двойников» роковых событий, под которыми понимаются юбилейные даты. В.Н. Расторгуев выстраивает ряд юбилейных дат, раскрывая их значение.

Особого внимания заслуживает юбилейное событие, смысл которого не поддается инверсии в писанной «политиками памяти» истории. Это – событие русской революции 1917 года, столетний юбилей которого прошел незаметно. Два последних подраздела автор посвящает революции. Вскрывающая противоречивость русской революции, он все-таки видит в ней то роковое событие, которое не исчерпало своей власти причинного действия в русской истории.

Именно с этим роковым событием автор связывает свои надежды на выход России из ситуации «постправды», цитируя при этом А.С. Панарина: «Выбыв из “первого мира” колониального Запада, она повернулась к миру колонизированного Востока и остановила в конечном счете процесс мировой колонизации. Можно сколько угодно говорить о геополитических играх Сталина, о советской империи, но факт остается фактом: Россию в этом исходе из первого мира вдохновляла великая христианская идея союза со слабыми гонимыми против сильных и наглых. Какое бы идеологическое, “научно-коммунистическое” оформление ни претерпела эта идея, именно заложенный в ней православный энергийный импульс сообщил ей необычайную мощь, убедительность и вдохновительность» [5, с. 40, Цит. по: 11, с. 37–38].

⁶Несмотря на то, что автор не употребляет термин «постправда», мы считаем, что именно этим понятием наиболее точно выражается его точка зрения на современность. Тем более, что сам этот термин используется авторами в аннотации к книге.

Валерий Николаевич Расторгуев был другом А.С. Панарина и продолжателем общего для них дела – отстаивал в теоретическом дискурсе право России на свою «традиционную цивилизационную идентичность» [11, с. 38]. Определяя текущий момент в истории России как начало разворачивания глобального рокового события, мы видим в нем вмешательство метаисторического субъекта в судьбу России. Главная проблема, которую не смогло решить ни постсоветское общество, ни постсоветская общественная мысль, заключается в непреодолимости образовавшегося в постсоветской идентичности разрыва между «советской» и «православной» составляющими «русской идентичности». Мы полагаем, что именно на русском цивилизационном основании должны быть сняты все противоречия постсоветской идентичности России. Однако, как предупреждает нас В.Н. Расторгуев, решение этой задачи будет прежде всего историческим, а уже после – теоретическим.

Если опускаться с концептуального уровня на политический – уровень информационного противостояния и ведения «войн памяти», то для итоговой оценки рецензируемой книги можно использовать афоризм китайского военного стратега Сунь Цзю: «Когда ты знаешь себя и других, ты в безопасности; когда ты знаешь себя, но не знаешь других, у тебя есть полшанса на выигрыш, но когда ты не знаешь ни себя, ни других, ты в опасности при каждой битве» [Цит. по: 1, с. 9]. Концептуальная часть Т.В. Беспаловой дает нам знание себя. Теоретическая разработка С.П. Поцелуева – знание других. Мысль В.Н. Расторгуева состоит в том, что не одним лишь знанием выигрываются сражения, а прежде всего участием в Промысле Божием.

Трухан Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия. 344048, Россия, Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, д. 66.

Anatoly V. Trukhan – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Branch of Russian State University of Justice. 344048, 66 Lenin Av., Rostov-on-Don, Russia. axioma.maxima@mail.ru

Список литературы

1. Арин О. Мир без России. М.: Эксмо, 2002. 480 с.
2. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. 416 с.
3. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990. СПб.: Наука, 2003. 472 с.
4. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике. 2-е изд., доп. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. 640 с.

6. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
7. Смитт Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
8. Соловьев В.С. Русская идея // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. 736 с.
9. Тишков В. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. № 2. 2021. Март/Апрель. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.
10. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 13.01.2021).
11. Национальная память в эпоху перемен / Т.В. Беспалова, С.П. Поцелуев, В.Н. Расторгуев. М.: 1000 бестселлеров, 2021. 208 с.

References

1. Arin O. *Mir bez Rossii*. M.: Eksmo, 2002. 480 s.
2. Girenok F. *Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti*. M.: Agraf, 1998. 416 s.
3. Dann O. *Nacii i nacionalizm v Germanii, 1770–1990*. SPb.: Nauka, 2003. 472 s.
4. Pain E.A. *Mezhdu imperiej i naciej. Modernistkij proekt i ego tradicionnaya al'ternativa v nacional'noj politike*. 2-e izd., dop. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 248 s.
5. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke*. M.: Algoritm, 2004. 640 s.
6. Panarin A.S. *Pravoslavnaya civilizaciya*. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 1248 s.
7. Smitt E. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma*. M.: Praksis, 2004. 464 s.
8. Solov'ev V.S. *Russkaya ideya* // *Sochineniya: v 2 t. T. 2*. M.: Pravda, 1989. 736 s.
9. Tishkov V. *Naciya, nacionalizm i naciestroitel'stvo* // *Rossiya v global'noj politike*. № 2. 2021. Mart/Aprel'. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.
10. *Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda»*. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (data of access: 13.01.2021).
11. *Nacional'naya pamyat' v epohu peremen* / T.V. Bespalova, S.P. Poceluev, V.N. Rastorguev. M.: 1000 bestsellerov, 2021. 208 s.